

Период, которому посвящён данный том,— середина XIII—середина XIV в.—занимает совершенно особое место как в русской истории в целом, так и в истории русской художественной культуры. Это было время небывалых перемен, которое заключало в себе два процесса. Один, протекавший особенно интенсивно в начале периода, со времени разорения монголо-татарскими войсками в 1237–1240 гг. русских городов Рязани, Владимира, Киева, связан с упадком: с монголо-татарским завоеванием основных русских территорий, первыми этапами татарского ига, гибелью одних городов и замиранием жизни в других. Следующий процесс, начавшийся уже во второй половине XIII в.,—это постепенное возрождение русских земель, восстановление их политической, хозяйственной и культурной жизни, формирование новых особенностей. Историю рассматриваемого периода можно представить себе как один из самых напряжённых, трагических этапов, когда русские земли постепенно вышли к новой реальности, уже не к той, в которой они существовали до начала драматических событий. На место Руси домонгольской, с её великими городами Киевом, Галичем, Ростовом, Владимиром, Новгородом, пришли новые политические образования, при сохранении некоторых древних центров, и в первую очередь Новгорода. Русские земли, среди которых заметную роль стала играть малоизвестная прежде Москва, заняли видное место в системе византийского содружества, что ясно сказывается в середине XIV в.

Необходимо особо отметить не только хронологические, но и географические рамки рассматриваемого в данном томе материала. Здесь характеризуется искусство не только тех земель, которые к концу XV в. в результате постепенной эволюции вошли в состав Московского государства, но и тех, которые имели собственные исторические судьбы, оказались в сфере притяжения западноевропейской католической культуры, впоследствии вошли в состав Польско-Литовского государства, а затем в силу многих обстоятельств стали основой для образования Украины и Белоруссии. Галич и Волынь не имеют прямого отношения к истории позднесредневековой России, однако в XIII—середине XIV в. их культура развивалась в тесной связи с культурой Северо-Восточных земель Руси, а также Новгорода и Пскова.

Русская средневековая история знала периоды больших потрясений и преобразований. К их числу относится время правления Ивана III, когда в конце XV—самом начале XVI в. было осуществлено объединение разрозненных русских земель в единое Московское государство. Напомним и о капитальных политических реформах Ивана Грозного в XVI в. Однако время, о котором пойдёт речь в данном томе, едва ли сравнимо по масштабности принесённых им изменений с каким-либо другим этапом в русской средневековой истории, вплоть до начала XVIII в., до времени Петра I. Может быть, на протяжении всей допетровской эпохи известную параллель ему, да и то неполную, можно найти лишь в событиях начала XVII в.—времени Смуты, польско-литовской интервенции, разорения страны, появления на российском престоле новой царской династии Романовых и постепенного возрождения России.

Несмотря на большое значение того периода в истории русской художественной культуры, который заключён в рамки от середины XIII до середины XIV в., несмотря на его особый характер, одновременно и трагический, и креативный, он почти не освещён в науке как специфическое явление.

В замечательном опыте «Истории русского искусства», который был предпринят И.Э. Грабарём в 1910-х гг., интересующий нас период совсем не выделен. Проследившая самые широкие процессы в истории русского зодчества, и прежде всего сложение русской архитектуры на основе византийской традиции, И.Э. Грабарь описывает переход от новгородских памятников XII в. к единственному известному тогда храму XIII в.—церкви Николая на Липне 1292 г.—и далее к постройкам XIV в., видя в них отражение единого поступательного движения [1]. Церковь Снеогогорского монастыря во Пскове, строительство которой датировано летописью 1310 г., рассматривается лишь как реплика собора Мирожского монастыря [2]. Зодчество Владимиро-Суздальской земли завершается характеристикой Георгиевского собора в Юрьеве Польском, начала 1330-х гг., после чего автор сразу переходит к самому краткому рассмотрению архитектуры ранней Москвы XIV—начала XV в. [3] Похожая картина обнаруживается в томе, посвящённом истории живописи: от фресок Нередицы, 1199 г., П.П. Муратов обращается

[1] ИРИ, 1913. С.194–204.
[2] Там же. С.243–244.
[3] Там же. С.314, 322–323.

к проблематике византийской живописи XIV в., попутно сообщая, что до XIV в. иконопись, как тогда считалось, играла в русском искусстве сравнительно небольшую роль [4]. Эта «История русского искусства», с её ёмким и поэтичным текстом, до сих является одной из лучших обобщающих работ: она позволяет воспринять художественную значимость русской культуры и её особое положение внутри культуры византийского мира. Однако в годы подготовки этого издания многие периоды в истории русской художественной культуры оставались неизученными, памятники—неизвестными.

В начале XX столетия в распоряжении исследователей ещё не было достаточного количества конкретных фактов по истории «тёмных» периодов в истории русского искусства. Археологические исследования архитектурных сооружений, в том числе тех, которые не сохранились на поверхности земли, со всей широтой стали осуществляться только в советское время, особенно с 1930-х гг. Что касается иконописи, то собирательская деятельность, развернувшаяся на территории древних русских земель с 1918 г., и исключительно интенсивные реставрационные работы, организованные прежде всего И.Э. Грабарём и А.И. Анисимовым в 1918—начале 1930-х гг., результаты которых были частично показаны на зарубежных выставках 1929–1933 гг. [5], дали в руки исследователей новый материал невиданного ранее масштаба, в том числе и относящийся к нашему периоду. Произведения рассматриваемого в этом томе периода затрагиваются в ряде публикаций 1920—начала 1930-х гг. [6], а также в книге А.И. Некрасова 1937 г. [7]

В 1920–1940-х гг. количество выявленных произведений древнерусского искусства, особенно созданных до XV в., резко возросло. Это с большой выразительностью сказалось в книге Б.А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси», посвящённой периоду от истоков по XV в. включительно и ставшей, в контексте нашей проблематики, важным подспорьем для изучения истории декоративно-прикладного искусства [8]. Нарастание новооткрытого материала, стремление к его интерпретации отразилось в монографии В.Н.Лазарева об искусстве Новгорода [9], где художественное наследие этого центра было рассмотрено на широком фоне эволюции византийского мира. Яркое отражение этот процесс нашёл в «Истории культуры Древней Руси», выпущенной в 1948–1951 гг. в двух томах и посвящённой домонгольскому периоду, который впервые был представлен с такой полнотой и детальностью, с большой фактографической насыщенностью, как блестящий самостоятельный период русской истории [10]. Это издание оказалось исключительно важным для понимания роли опре-

[4] Муратов, 1914. С.141–148.
[5] Denkmäler altrussischer Malerei, 1929; Ancient Russian Icons, 1929.
[6] Ср., например: Жидков, 1928.
[7] Некрасов, 1937. С.124–143.
[8] Рыбаков Б., 1948.
[9] Лазарев, 1947.
[10] История культуры, 1948, 1951.
[11] Воронин, Лазарев, 1953. С.212, 214.
[12] Лазарев, 1953/2. С.525.
[13] Лазарев, 1954/1; Лазарев, 1954/2.
[14] Воронин, Лазарев, 1955.

делённых исторических этапов в сложении разных ветвей древнерусской культуры, для оценки развития разных центров и регионов на одном и том же историческом отрезке. Одним из таких целостных этапов является и рассматриваемый в настоящем издании.

Между тем следующее по времени крупное обобщающее издание—«История русского искусства», подготовленное АН СССР в 1950-х гг., где к нашей проблематике так или иначе относятся первые три тома, оказалось менее удачным. Ко времени подготовки этой «Истории русского искусства» памятники середины XIII—середины XIV в. были гораздо менее исследованы, чем домонгольские, как с точки зрения археологии, так и собственно истории искусства. Домонгольский период справедливо рассматривался как гордость русской истории, время исключительного расцвета, заслуживающее всяческого внимания исследователей, а период от середины XIII до середины XIV в. несправедливо считался временем безнадёжного упадка, едва ли не вакуумом, его памятники разбиты в этом издании по разным томам и разделам. Искусство тех или иных художественных центров, относящееся к одному и тому же крупному историческому этапу, оказалось в разных томах, в разных главах. Так, сведения о памятниках Галицко-Волынской земли середины—второй половины XIII в. помещены в одном разделе I-го тома [11], о раннемосковской культуре—в другом разделе того же тома [12]. Зодчество, живопись и прикладное искусство Новгорода, в той мере, в какой они тогда были изучены, попали во II-й том [13]. Что же касается так называемых среднерусских княжеств, то скудные сведения об их памятниках оказались в III-м томе [14].

Устоявшийся к 1960-м гг. принцип изучения древнерусского искусства «по центрам», а не по этапам, зачастую упускающий из вида его поступательную эволюцию, во многом отражал своего рода патристическую настроенность в восприятии русской культуры, с особой силой давшую о себе знать в годы Великой Отечественной войны. За названиями русских земель и княжеств—Новгорода и Москвы, Владимира и Суздаля—вставали представления о величии и своеобразии их культуры, об историческом значении Руси, но при этом многие важные общие процессы и характеристики оказывались вне поля зрения учёных. Со временем этот принцип—исследования «по центрам», а не по целостным историческим периодам—стал постепенно терять свою силу под воздействием новых тенденций в изучении искусства Византии и византийского мира. Поворот в этой сфере произошёл благодаря работам О.Демуса и С.Радойчица, опубликованным в 1958 г. как доклад и содоклад

на IX Международном конгрессе византистов, который состоялся в Мюнхене в 1958 г. [15] Эти работы посвящены зарождению и возникновению искусства Палеологовского Ренессанса, этапам его сложения, особой роли византийского классицизма в XIII в., новым художественным оттенкам в искусстве XIV в. Обе работы позволили посмотреть на искусство византийского мира XIII—первой половины XIV в. в его движении, развитии, разнообразии, в богатстве его стилистических направлений и целостности общих тенденций. Для нас важно, что наряду с формированием новых классицистических тенденций в византийском искусстве XIII—XIV вв. стали вырисовываться и другие, противостоящие им течения.

В 1960–1970-х гг. в отечественном искусствознании появляются публикации, вскрывающие эстетическую сущность и художественную значимость русских произведений развитого XIII в., далёких от классицизма. Это, прежде всего, статья О.С. Поповой о новгородском Симоновском Евангелии 1270 г., РГБ, Рум. 105 [16], раздел Г.И. Вздорнова в «Очерках русской культуры XIII–XV веков»—издании, предпринятом МГУ как продолжение упоминавшихся томов 1948 и 1951 гг. [17], обобщающий очерк О.С. Поповой о древнерусской миниатюре XI–XV вв. [18], работы Л.И. Лифшица 1970-х гг. о росписях Снетогорского монастыря 1313 г. [19] Как предвосхищение этой же историографической линии следует рассматривать статью Р.Н. Кацнельсона 1952 г. об архитектуре церкви Рождества Богородицы в Перыньском скиту близ Новгорода [20].

Со второй половины 1960-х и по 1980-е гг. включительно можно заметить определённый «хронологический параллелизм» между тематикой исследований зарубежных византистов и тематикой работ отечественных историков искусства. В 1965 г. в Югославии устраивается симпозиум, посвящённый росписи 1260-х гг. в церкви Св. Троицы в Сопочанах [21], а в 1973 г.—аналогичная конференция, посвящённая фрескам церкви Успения Богородицы в Грачанице, исполненным около 1320 г. [22] Одновременно в СССР проводятся, а потом постепенно публикуются исследования об отдельных русских центрах и исторических областях, искусство которых играло большую роль в XIII–XIV вв.: о живописи Новгорода [23], живописи и прикладном искусстве Твери [24]. Уже в 1980-х гг. возникают первые попытки обобщающих работ по истории русского искусства, где учитывается новый взгляд на историко-художественные процессы, протекающие параллельно в разных регионах, при всём своеобразии местных версий [25].

Обширные исследования по интересующей нас теме проводятся на протяже-

нии последней четверти XX столетия. Это архитектурно-археологические работы в Ростове и Твери, в Луцке, Львове и Владимире Волынском, в Новгороде и Пскове. Это реставрация и исследование росписей в Новгороде и Пскове, уточнение датировки фресок в Волокове, раскрытие и изучение целого ряда икон, уточнение атрибуции многих иллюминированных рукописей. Большое значение имеет также недавняя публикация «Истории украинского искусства» [26], которая, вместе с изданием отдельных иконных собраний Украины [27], важна для изучения художественной культуры юго-западных областей Древней Руси. Отметим книги о декоративно-прикладном искусстве Новгорода [28], живописи Пскова [29] и о живописи Северо-Восточной Руси [30]. Продолжается комплексное исследование искусства византийского мира XIII в., с его пестротой местных особенностей и единством многих тенденций [31]. Эти работы освещают обширный пласт материала, сохранившегося от культуры середины XIII—середины XIV в.

Важной особенностью современной литературы по истории древнерусского искусства является признание в ней того факта, что многие элементы русских памятников, как домонгольских, так и относящихся к зрелому XIII–XIV вв., отражают связи русской культуры с западноевропейским художественным миром. Этот аспект отражён в ряде сравнительно недавних публикаций [32], а также в уже вышедших I–II томах «Истории русского искусства» [33]. Для домонгольского периода это целый ряд особенностей русского зодчества, в частности новгородского, и декор некоторых южно-русских храмов XII в., и фасадные рельефы и декоративные элементы владимиросуздальских церквей, и художественное своеобразие отдельных стенописей (например, росписи южного придела на хорах Спасо-Преображенского храма в Спасо-Евфросиньевом монастыре в Полоцке первой половины XIII в. [34]). К тому же кругу явлений в русском домонгольском искусстве принадлежит техника двух пар врат собора Рождества Богородицы в Суздале, так называемая золотая наводка, которая является по существу западноевропейской техникой «коричневого лака» («Braunfirnis») [35], но используется на Руси в совсем другом художественном и идейном контексте. Как свидетельствуют появляющиеся в последнее время публикации, западноевропейские культурные связи сыграли большую роль и в интересующий нас период [36]. Более всего это отражается в архитектуре, декоративно-прикладном искусстве, книжной орнаментике.

В современной научной литературе появляются и работы, где целый ряд русских памятников указанного времени рассматри-

- [15] *Detus*, 1958; *Radojčić*, 1959.
 [16] *Попова*, 1962.
 [17] *Вздорнов*, 1970. С. 256–277.
 [18] *Ророва*, 1975. Р. 41–80.
 [19] *Лифшиц*, 1971; *Лифшиц*, 1974; *Лифшиц*, 1977.
 [20] *Кацнельсон*, 1952.
 [21] *Cart byzantin*, 1965.
 [22] Византијска уметност, 1978.
 [23] *Смирнова*, 1976.
 [24] *Попов*, *Рындина*, 1979.
 [25] *Алленов*, *Евангулова*, *Лифшиц*, 1989; *Лифшиц*, 2000.
 [26] *Исторія українського мистецтва*, 2010.
 [27] *Димитрій (Ярема)*, *Патріарх*, 2005; *Український іконопис*, 2005; *Від Миколая до Йордану*, 2007; *Відроджені шевцери*, 2008.
 [28] *Стерлигова*, 1996.
 [29] *Лифшиц*, 2004.
 [30] *Смирнова*, 2004/2.
 [31] Приведём лишь некоторые сборники, каталоги и монографии из целого ряда опубликованных: ДРИ. Русь. Византия. Балканы. XIII век, 1997; *Byzantium. Faith and Power*, 2004; *Бојанската църква между Изтока и Запада*, 2011; *Тауардас*, 2008; *Ετζέουλου*, 2013. Среди множества статей выделим, например, работу Л. Фундич (*Фундич*, 2010), касающуюся архаических явлений в византийской живописи второй половины XIII в.
 [32] ДРИ. Зарубежные связи, 1975; *Комеч*, 1995. С. 25–26; *Иоаннисян*, 2005. С. 31–69; *Стерлигова*, 2010. С. 49–57.
 [33] ИРИ, 2007; ИРИ, 2012; ИРИ, 2015.
 [34] *Сарабянов*, 2007. С. 150–171; *Преображенский*, 2012/1. С. 131–139. В данных публикациях вопрос западноевропейских мотивов не рассматривается.
 [35] *Манукян*, 2009.
 [36] См. примеч. 32.

[37] *Преображенский*, 2012/1.

[38] *Detus*, 1968. S. 74.

[39] *Флоря*, 2006. С. 211–351.

вается не с точки зрения локальных культур, а в одном определённом аспекте—как отражение ктиторского заказа, напрямую или опосредованно [37].

По сравнению с материалом предшествующих трёх томов «Истории русского искусства», посвящённых искусству XI—первой трети XIII в., материал настоящего тома значительно более фрагментарный, отрывочный. Это объясняется двумя причинами. Одна—это гибель многих памятников изучаемого периода в результате монголо-татарского нашествия, а также наступление этапов своего рода застоя, ослабления художественной деятельности в тех или иных регионах. Другая причина связана, наоборот, с чрезвычайно активной строительной и художественной деятельностью на некоторых территориях уже после интересующего нас периода. Чем интенсивнее развивается какой-либо художественный центр на новом этапе, тем хуже сохраняются его более древние памятники, и наоборот. Что дошло до нас от белокаменных храмов Москвы второй четверти—середины XIV в.? Ничего, кроме археологических остатков. Между тем во Владимире и Суздале, Новгороде, а отчасти и во Пскове,—древнейшие памятники сохранились гораздо лучше. На подобную ситуацию в своё время обратил внимание выдающийся австрийский византист О. Демус, когда обнаружилось, что на основной территории Испании древние фрески сохранились скудно, поскольку содержащиеся их храмы часто и кардинально перестраивались, тогда как в Каталонии, являвшейся в период Средневековья глухой провинцией, такие росписи дошли до нас в удовлетворительном состоянии и в немалом количестве [38].

Вместе с тем на протяжении того периода, который характеризуется в данном томе, на Руси расширяется территориальный ареал художественной деятельности. Целый ряд замечательных памятников архитектуры и живописи связан теперь не только с крупнейшими русскими городами, но и с такими, которые раньше были второстепенными удельными центрами, а теперь укрепились в политическом и культурном отношении. Таковы Рязань, Муром, Кострома, Тверь, Галич Костромской, таковы и далёкие северные земли, где появляются свои иконописцы, сказываются собственные местные вкусы. Искусство расширяет свою территорию, накапливает свои традиции.

За столетие русской художественной истории, рассматриваемое в настоящей книге, сменилось несколько поколений художников и заказчиков, изменились жизненные реалии и исторические обстоятельства, сформировались новые стилистические тенденции и вкусы. Поэтому существует

большая амплитуда между теми произведениями, которые создавались в середине XIII в., и теми, которые возникли сто лет спустя.

Как и на других этапах истории средневековой культуры, на протяжении изучаемого периода большая роль принадлежала так называемому декоративно-прикладному искусству, произведения которого образовывали своего рода контекст культурной жизни. В данном томе эта сфера художественной культуры рассматривается не по разновидностям материала и техники исполнения, а по социальной и литургической функции произведений. Это даёт возможность не только яснее представить эти предметы как цельный художественный ансамбль того времени, ловить характер светских церемоний, но и ощутить единство различных видов искусства—зодчества и монументальной живописи, иконописи и декоративного творчества.

Каковы общие контуры исторических событий на Руси в период от середины XIII до середины XIV в.?

Предвестие грядущих перемен в развитии Руси ощущалось уже в XII в., когда явственно обозначилась усиливающаяся феодальная раздробленность страны [39]. Росли и развивались многочисленные русские земли и княжества, тогда как Киев постепенно утрачивал политическую роль, сохраняя своё значение как центр русской церковной власти. Вспомним, что войска князя Андрея Боголюбского, который создал крупнейшее Владимирское княжество на северо-востоке Руси, претендовавшее на главенство среди других земель, приступом взяли Киев в 1169 г., нанеся ему немалый ущерб. Всё большее значение приобретают Галицкое и Волынское княжества на юго-западе Руси, где в 1199–1205 гг. правил знаменитый князь Роман Мстиславич. На северо-западе Руси растёт значение Новгорода и его бывшего «пригорода»—Пскова.

Между тем объединение кочевых монгольских племён, появившееся в Сибири в 1206–1227 гг. и возглавлявшееся Чингисханом, начинает своё завоевательное движение на запад. В первой же крупной битве против монголо-татарских войск, состоявшейся 31 мая 1223 г. на реке Калке, объединённая рать из различных русских княжеств, выступавшая в союзе с половцами, потерпела сокрушительное поражение. Начиная с 1237 г. происходит активное вторжение на Русь войск кочевников, которые в 1243 г. создали своё особое государственное образование—Золотую Орду. В 1237 г. под натиском войск монголо-татарского хана Батгя пала Рязань, в 1238 г.—Владимир, в 1240 г.—Киев, причём эти центры, как и ряд других, меньших русских городов, были жестоко разорены.

Тем временем и северо-западные русские земли оказались в тяжёлой ситуации, не только вследствие монголо-татарского вторжения, следствия всего Русь, но и из-за активности латинского Ливонского ордена, чьи войска вели интенсивный натиск на Новгород и Псков. В борьбе с западными завоевателями князь Александр Ярославич, известный в русской истории как Александр Невский, одержал две важнейшие победы: в 1240 г. в Невской битве (в устье Невы), а в 1242 г.—на Чудском озере.

Иначе складывалась политическая и культурная ситуация в юго-западных землях—в Галицко-Волынской Руси. Несмотря на то, что орды Батые достигли и этих территорий, разорение там было не столь интенсивным, сохранялась политическая и художественная активность. Так, в 1250–1260-х гг. ведётся строительство во Владимире Волынском и Холме, в 1270–1280-х гг.—в Каменце, Берестье, Любомле, в 1290-х гг.—во Владимире Волынском и Черторыйске [40]. Летописец с особым восхищением описывает деятельность князя Владимира Васильевича в деле строительства и украшения храмов, а также переписки и декорации рукописей в 1280-х гг. [41] Однако уже в середине XIII в. по соседству с этими краями образовалось довольно могущественное Литовское государство во главе с князем Миндовгом, чьи войска совершали многочисленные набеги на Галицко-Волынские земли. В постепенной утрате самостоятельности этими княжествами играла роль и экспансия Польши. В 1340 г. Любарт, сын литовского князя Гедимина, стал князем Волыни и Галицкой земли—Галичины [42].

Немалая часть бедствий, выпавших на долю русских земель в XIII в., зависела от княжеских междоусобиц—неизбежного следствия политической раздробленности [43]. Однако их значение было всё-таки меньшим для упадка Руси, нежели значение внешнеполитических факторов. Согласно археологическим данным, при монголо-татарском нашествии было разрушено две трети русских городов, и треть от этого числа вообще не была впоследствии восстановлена [44].

Оценивая обстоятельства русской истории XIII–XIV вв., следует также вспомнить, что это было время исключительно неблагоприятное для сельского хозяйства в климатическом отношении, а это не могло не воздействовать на общую ситуацию на Руси. Экстремальные природные явления—похолодание и повышенное увлажнение—не только нашли отражение в летописях, но и отмечены археологами при изучении сельских поселений, а также подтверждены дендрохронологическими исследованиями: неравномерностью годовых колец на срезах

древесины. Археологические исследования на некоторых территориях, например, на побережье Кубенского озера, показали, что в XIII в. некоторые поселения, располагавшиеся на низких берегах, близ воды, были перенесены на более высокие места, возможно из-за опасности подтопления вследствие повысившегося уровня воды в реках и озёрах [45].

Немалый ущерб экономике Руси начиная с середины XIII в. и позднее причинили и последствия организованной ордунцами переписи 1257–1259 гг., когда завоеватели, до того много лет взимавшие дань и корма с русского населения, а также получавшие многочисленные подарки от русских князей, ввели ещё более тяжёлое подворное обложение, требуя десятину доходов, уплаты других налогов, выполнения воинской и прочих повинностей [46]. Князь Александр Невский, занимавший в 1252–1263 гг. владимирский великокняжеский престол, сумел, благодаря своей продуманной политике по отношению к Орде, создать условия для некоторого возрождения жизни в русских землях. Однако после кончины князя Александра вспыхнула феодальная борьба между его сыновьями Дмитрием и Андреем, каждый из которых привлёк к себе тех или иных русских князей. Ситуация осложнялась тем, что обе враждующие русские княжеские группировки нашли себе покровителя в лице одного из двух ханов, возглавлявших феодальную борьбу в самой Золотой Орде. В ходе противостояния русских князей выделилась фигура князя Даниила Александровича, младшего сына Александра Невского, который владел Московским княжеством, а в 1296 г. заявил претензии и на великокняжеский престол. Это косвенно указывает на политическую значимость Московского княжества уже в конце XIII в.

Названные обстоятельства свидетельствуют об исключительных трудностях в экономическом и политическом развитии Руси. Поэтому кажется поистине удивительным тот факт, что постепенное возрождение культурной жизни Руси начинается уже в третьей четверти XIII в., т.е. почти сразу после монголо-татарского завоевания её основных территорий. Мы увидим, как мало-помалу налаживается ремонт храмов и в Новгороде, и близ Суздаля, как восстанавливается жизнь Русской Церкви, созывается в Киеве в 1273 г. первый после трагических событий церковный собор [47].

Огромное значение в этот период имела митрополичья кафедра, местопребыванием которой был Киев. В середине—третьей четверти XIII в. особенно велика была роль митрополита Кирилла II (1242–1281) в деле сплочения русских земель и поддержания связей с византийской патриархией, кото-

[40] Антатов, 2002. С. 3–12. См. также с. 39–46 наст. изд.

[41] См. подробнее далее, с. 39–46.

[42] Русина, 1998. С. 42–55.

[43] Феннел, 1989.

[44] Чернецов, 2003. С. 12.

См. также: Археология СССР, 1985. С. 60, 104, 121, табл. 20, 21.

[45] Борисенков, Пасецкий, 1988. С. 174, 176. Макаров, 2003. С. 9.

[46] Хорашкевич, Плигузов, 1989. С. 23.

[47] Ивакин, 1991. С. 45.

рая, как известно, вследствие латинского завоевания Константинополя в 1204 г. переместилась в Никею—город, расположенный в Малой Азии. Митрополит Кирилл, чьему выдвиганию покровительствовал галицкий князь Даниил Романович, совершил поездку в Никею на поставление, побывал в Венгрии, где в 1246 г. обвенчал князя Льва, сына Даниила Галицкого, с дочерью венгерского короля Белы IV. Выполняя свои пастырские обязанности, Кирилл проводил много времени в Новгороде, во Владимире на Клязьме и скончался в Переславле Залесском [48]. Деятельность митрополита даёт представление о роли русской митрополичьей кафедры в поддержании связей между отдельными русскими епископиями, что было важно не только в XIII в., но и позднее, на протяжении всего рассматриваемого периода.

Значение Киева, его церковно-политический авторитет сохраняются и в самых последних десятилетиях XIII в. Митрополит Максим, грек, присланный из Константинополя в 1284 г., вскоре собирает в Киеве новый церковный собор [49], где русские епископы должны были утвердить новую редакцию Кормчей книги, важную для повседневной практики Русской церкви [50].

В последней четверти XIII в., в период правления двух знаменитых новгородских архиепископов—Далмата (1251–1274) и Климента (1274–1299), оживляется экономическая и культурная жизнь Новгорода; укрепляется Тверь; сохраняется и наращивает своё значение Ростовская земля, где главную роль в это время играет не столько княжеский двор, сколько мощная Ростовская епархия, с её деятельными епископами Игнатием (1262–1288) и Тарасием (1288–1295). Параллельно даёт о себе знать Галицко-Волынская земля, с её энергичными князьями и несколькими выдающимися церковными центрами, среди которых особо значительными были Владимиро-Волынская, Галицкая и Перемышльская епархии.

Начиная с первой четверти XIV в. в Северо-Восточной Руси интенсивно развиваются два крупных княжества—Тверское и Московское. Тверь и Москва постепенно оттесняли с политической арены другие, более древние центры этого края, каким был, например, Ростов. В первые годы XIV в. первенствующая роль среди русских земель и княжеств принадлежала Твери. Тверской князь Михаил Ярославич имел титул великого князя Владимирского, полученный им в 1305 г. Яркая личность, он много сделал для развития Тверского княжества и погиб в Орде мученической смертью в 1318 г., а впоследствии был причислен к лику святых. В 1327 г. Тверь была подвергнута жестокому разгрому татарскими и московскими войсками, что способствовало возвышению всё

более укреплявшейся Москвы, где с 1318 г. князь Юрий Данилович имел титул великого князя Владимирского. Ещё при его отце Данииле Александровиче, сыне Александра Невского, к Московскому княжеству были присоединены такие крупные города, как Коломна и Можайск. Укреплению Твери и Москвы способствовало и переселение на эти территории жителей более южных областей, сильнее страдавших от татарского владычества. Как предполагается, в рассматриваемый период произошло сдвиги в земледелии—переход на трёхпольную систему, которая обеспечивала относительно более высокий урожай. Это было особенно важно потому, что на северо-западе и северо-востоке Руси почва была значительно менее плодородной, нежели чернозём вокруг Киева и на территории южных княжеств [51]. Хозяйственные изменения обеспечивали возможность более успешного развития северо-восточных территорий.

В этот период сохранялось и значение Новгорода, а также его бывшего «пригорода»—Пскова, который постепенно становится видным центром северо-западной Руси, во многом самостоятельным в сфере художественной культуры.

В истории Руси в целом, как и в истории русской культуры, огромную роль сыграло событие 1299 (1300) г., когда митрополит Максим вынужден был покинуть Киев, разорённый к этому времени вследствие феодальных распрей между татарскими ханами, и переехать на северо-восток, обосновавшись со своей кафедрой во Владимире, где прославленный Успенский собор XII в. стал его кафедральным храмом. Этот переезд, с одной стороны, способствовал развитию новых политических центров Северо-Восточной Руси, а именно Твери и Москвы. С другой стороны, что особенно важно, как раз с этого времени культура северо-восточных и северо-западных областей Руси становится более информированной о тех новшествах, которые появились в искусстве Византии к началу XIV в. Начиная с рубежа XIII–XIV вв. в русской живописи встречаются некоторые мотивы византийского классицизма XIII в., а затем и произведения, в той или иной мере, на первых порах ещё в очень ограниченной форме, отражающие византийское палеологовское искусство XIV в.

Свидетельством сохраняющихся политических и культурных связей между разными областями Руси является событие, случившееся после кончины в 1305 г. митрополита Максима. На митрополичью кафедру был избран Пётр, игумен Ратского монастыря на Волыни. Его кандидатура была поддержана галицко-волынским князем Юрием Львовичем и, несмотря на противодействие со

стороны Твери, была утверждена Константинопольской патриархией. Деятельность митрополита Петра, скончавшегося в 1326 г. и впоследствии причисленного к лику святых, была исключительно плодотворной. Это особенно касается повышения значимости Москвы, куда он перенёс своё местопребывание, сохранив при этом и авторитет Владимира.

Наконец, во второй четверти—середине XIV в. наступают очень существственные перемены. На московском великокняжеском престоле тогда находились князья Иван Данилович, по прозвищу Калита (1328–1340), а затем его сыновья Семен Гордый (1340–1353) и Иван Красный (1353–1359). Кафедру новгородских архиепископов последовательно занимали Моисей (1325–1330), Василий (1331–1352) и вновь Моисей (1352–1359). Русским же митрополитом почти всё это время был грек Феогност (1328–1353), прибывший из Константинополя. Особенно значительными были в это время политические успехи Москвы, сумевшей присоединить к своему княжеству Галич («Мерьский», неподалёку от Костромы), Углич, Белозерск и часть Ростовской земли, подчинить своему влиянию немалую часть северных территорий [52].

Именно на этом хронологическом отрезке с невиданной прежде интенсивностью происходят два процесса. Один—это строительство и украшение храмов (наиболее активно—в Москве), создание выдающихся по своей иконографической программе и стилистическому решению уникальных икон, иконных ансамблей, иллюстрированных кодексов (сохранившихся в искусстве Новгорода и Москвы). Другой—это впитывание русским искусством новых тенденций, воспринимаемых из византийской культуры и по-своему воплощавшихся на Руси. Речь идёт не только о классическом, эллинистическом начале, с новой силой выражающемся в этот период в искусстве Византии, но и о его особом истолковании на Руси. Речь идёт о повышенной активности художественного образа, о его эмоциональной напряжённости, интенсивности его внутренней жизни. Византийская традиция, в той мере, в какой она получает известность на Руси, приобретает здесь особый отпечаток, с некоторым оттенком провинциальности, но и с большой внутренней силой образов.

Важной частью русской культуры середины XIII—середины XIV в. была литература [53]. В древнерусской письменности того времени намечается несколько типологических разновидностей. Это прежде всего летописи. Русские хроники велись тогда в разных центрах, и в летописях каждого центра сказываются местные особенно-

сти—в характере исторического изложения и в авторских комментариях. Выдающимся памятником новгородского летописания является Новгородская Первая летопись. Записи за интересующий нас период, расположенные хронологически, год за годом, запоминаются выразительной лапидарностью—качеством, которое свойственно новгородской художественной культуре в целом. Под 1262 г. сообщается о пожаре Борисоглебской церкви, находившейся в новгородском Детинце, с лаконичным замечанием: «... съгоре от грома церкы святого мученика Бориса и Глеба: горазда бо бяше и лепа» [54]. Показательна интерпретация победы князя Александра Невского на Чудском озере в 1242 г., где говорится, что Господь помог новгородцам благодаря заступническим молитвам святых Бориса и Глеба: «... Бог же и святая Софья и святою мученику Бориса и Глеба, ею же ради новгородци кровь свою прольяха, тех святых великими молитвами пособи Богъ князю Александру...» [55]. Замечательны своей краткостью и записи о благополучных годах: «В лето 6762 [1254]. Добро бяше христьяномъ». Или: «В лето 6768 [1260]. Бысть тишина все лето» [56].

В отличие от новгородской, летопись Галицко-Волынская запоминается утончённостью, использованием изречений, притч, афоризмов, сравнений, пристрастием летописца к книжной речи [57]. Вот похвала галицкому князю Даниилу Романовичу в связи с его кончиной в 1264 г.: «Съй же король Данило князь добры и хоробрый и мудрый, създа города многы, и церкви постави, и украси я разноличными красотами; бяше бо братолюбьем светяся съ братомъ своимъ Василкомъ; съ же Данило бяше вторый по Соломоне» [58].

Видную роль среди литературных произведений середины—второй половины XIII в. играют тексты, повествующие о трагедии монголо-татарского нашествия. Среди них уникальное место принадлежит «Слову о погибели Русской земли» [59]. Этот совсем короткий текст является то ли самостоятельным, неполностью сохранившимся произведением, то ли предисловием к Житию князя Александра Невского. «Слово» выделяется исключительной поэтичностью нарисованного в нём образа Руси, подвергнутой разорению и унижению в годы монголо-татарского нашествия: «О, светлой светлой и украсно украшена, земля Русьская! И многими красотами удивлена еси: реками и кладязьми месточестными, горами, крутыми холми, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверьми, различными птицами, бесчисленными городами великими, селы дивными... Всего еси исполнена земля Русская, о праваяверная вера христьянская!...» [60]. Ритмическая организация

текста, эмоциональность образа заставляют вспомнить «Слово о полку Игореве», созданное ещё в XII в. [61], при всём своеобразии каждого из этих произведений.

К «Слову о погибели Русской земли» примыкают несколько памятников, посвящённых непосредственно драматическим событиям татарского нашествия. Это прежде всего «Повесть о разорении Рязани Батыем»—событии 1237 г. [62] Здесь не только описывается гибель Рязани, мужество и смерть многих членов семьи рязанских князей, но и стойкость русских воинов, когда «един бяшеса с тысящею, а два—с тмою» (т.е. с десятью тысячами), невероятную храбрость и силу рязанского вельможи-воина Евпатия Коловрата, образ которого адекватен образом богатырей из русских былин. В сражении с татарами Евпатий «тако их бяше нещадно, яко и мечи припишася, и емля татарския мечи и сечаша их. Татарове мняша, яко мертви востаха!» Показательны характеристики рязанских князей, «благочестных и христоролюбивых», обращающихся в своих молитвах к Господу, Богородице и своим «святым сродникам»—русским князьям-страстотерцам Борису и Глебу. Важно, что в этой Повести автор проводит параллель между одним из рязанских князей—Олегом Ингваревичем, принявшим мученическую смерть от татар, с христианским первомучеником Стефаном, сравнивая тем самым трагические события русской истории XIII в. с раннехристианскими временами.

Тема исполнения своего христианского долга звучит и в Сказании об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора [63]. Речь идёт о событии 1246 г., когда приглашённый в Орду князь и его придворный боярин отказались следовать там языческим обычаям, в частности требованию пройти между двумя кострами, поклоняясь огню. Отстаивая свою веру, князь Михаил сказал, цитируя евангельский текст: «Кая полза человеку, аще и всего мира царство прииметь, а душу свою погубить?» (Мф. XVI, 26). По-другому выразил ту же мысль боярин Феодор: «...богам вашим не кланяюся, но хощу пострадати за Христа, яко же и князь мой!» Это Сказание было написано не позже конца XIII в.

Вопросы нравственности, покаяния, любви к ближнему, духовного очищения, обращения к самой сути христианского вероучения ставятся в Словах и Поучениях Серапиона, в 1274–1275 гг. епископа Владимирского, а в прошлом—монаха Киево-Печерского монастыря [64]: «Молю вы, братья и сынове, пременитесь на лучшее, обновитесь добрым обновлением, престаните зла творещее, оубойтесь створшаго ны Бога, вострепещете суда его страшнаго!» [65].

Автор с глубокой скорбью описывает разорение Руси: «Разрушены божественныя церкви, осквернены быша ссуды священныи и честные кресты, и святыя книги, потоптана быша святая места, святители мечю во ядь быша, плоти преподобныхъ мнихъ птицамъ на снесь повержени быша, кровь и отець, и братья наша, аки вода многа, землю напои, князи нашихъ воеводъ крепость ищезе, храбрии наша, страха наполньнеше, бежаша, множайша же братья и чада наша вь пленъ ведени быша, гради мнози опустели суть, села наша лядиною поростоша, и величество наша смерися, красота наша погыбе...» [66].

Одно из самых ярких русских литературных произведений второй половины XIII в.—Житие князя Александра Невского, относящееся, как предполагается, к 1280-м гг. [67] Оно рассказывает не о христианской стойкости и страданиях мучеников в борьбе с врагами, а о богатырской силе и воинской доблести героя-победителя. Отсюда общая победоносная интонация текста и широта уподоблений, относимых к герою. Александр лицом похож на Иосифа Прекрасного, его сила—часть силы Самсона, ему дана Богом премудрость царя Соломона, а храбростью он подобен римскому императору Веспасиану, покорившему Иудейскую землю. В его победе в Невской битве 1240 г. ему помогли святые князья-мученики Борис и Глеб, которым он молился и которые явились в видении одному из старейшин ижорского племени Пелгусию. Перед сражением 1242 г. на Чудском озере Александр просил Господа помочь ему, как Он помогал Моисею в борьбе с Амаликом и как Ярославу Мудрому в борьбе со Святополком. Александр прославил себя и как великий князь Владимирский, он дал отпор послан папы Римского, приезжавшим на Русь с попытками проповеди «латинской веры».

В литературе XIV в. традицию русских княжеских житий продолжает в своеобразной форме Сказание о Довмонте, составленное во второй четверти столетия [68]. В нём рассказывается о заслугах и ратных подвигах псковского князя Довмонта (правил с 1266 по 1299 г.). Литовец-язычник по происхождению, он принял святое крещение под именем Тимофея, храбро сражался во главе псковского войска с наступавшими литовцами и рыцарями Ливонского ордена. Князь Довмонт в своих деяниях справедливо сравнивается с князем Александром Невским, между обоими житиями легко усматривается и литературное сходство. Однако наряду с поэтической приподнятостью Сказание о Довмонте обладает качествами, присущими именно псковской письменности,—особой простотой и деловитостью, народными интонациями. Свообразие псковской

[52] История России, 2008. С. 245–246.

[53] Общие сведения см.: Гудзий, 1938. С. 180–211; История русской литературы, 1980. С. 142–203; БЛДР. Т. 5; БЛДР. Т. 6.

[54] НЛ, 1950. С. 83.

[55] Там же. С. 78.

[56] Там же. С. 80, 83.

[57] Гудзий, 1938. С. 197–204; *Котляр*, 2005.

[58] Галицко-Волынская летопись, 2005. С. 143. См. этот же источник: БЛДР. Т. 5. С. 184–357.

[59] БЛДР. Т. 5. С. 90–91.

[60] Там же. С. 90.

[61] *Зализняк*, 2004.

[62] Повесть о разорении Рязани Батыем, 1997. С. 140–155.

[63] БЛДР. Т. 5. С. 156–163.

[64] Там же. С. 370–385.

[65] Там же. С. 374.

[66] Там же. С. 376.

[67] БЛДР. Т. 5. С. 356–369.

[68] БЛДР. Т. 6. С. 56–63.

О значении произведений Серапиона Владимирского см.: *Топоров*, 1998. С. 203–294 (раздел под выразительным названием: «Погибель Русская земли. Вызов времени. Проповеди Серапиона Владимирского»).

литературы формируется, как мы увидим, параллельно со своеобразием псковской архитектуры и живописи.

Чтобы осознать, насколько заметна была художественная эволюция в древнерусской литературе рассматриваемого периода, достаточно сопоставить разновременные произведения, посвященные одной и той же теме—храбрости русских князей в борьбе с врагами Руси, их преданности православной вере. Для уже рассмотренных текстов XIII в., как и для более позднего Сказания о Довмонте, характерны лапидарность, лаконичность, монументальное героическое начало в передаче сюжета. Между тем Житие князя Михаила Ярославича Тверского, погибшего в Орде в 1318 г., отличается утонченным богатством поэтических уподоблений, многогранностью эпитетов [69]. Оно написано вскоре после смерти князя, около 1319–1320 гг. [70], и отражает совсем новую страницу в истории древнерусской литературы. Развитие сюжета сопровождается отступлениями, сравнениями, которые вносят в текст настроение своего рода умиленности, сострадательного сочувствия жертвенному подвигу героя. Это заметно, в частности, в пространном вступлении, где разнообразие христианских подвигов сравнивается с разнообразием аромата и оттенка цветов в венках: одни подвижники предаются подвигу аскетическому, отшельническому, другие же проливают кровь за Христа. В некоторых частях этого произведения словно предвосхищается тот утонченный стиль «плетения словес», который сложился в южнославянской письменности в XIV в. и сыграл в дальнейшем большую роль в истории русской литературы зрелого XIV–XV в.

Упомянем ещё два произведения XIV в., которые самой своей тематикой, своими сюжетами отражают новшества наступившего столетия. Это прежде всего так называемое Хождение Стефана Новгородца, который в 1348 или 1349 гг. посетил Константинополь (сочинение носит в рукописях название «От Странника Стефанова Новгородца») [71]. Стефан поклонился христианским святыням в городских и пригородных монастырях, описал многочисленные реликвии и достопримечательности, обратил особое внимание на те из них, которые так или иначе связаны с Русью, упомянул о встрече в Св. Софии с константинопольским патриархом Исидором, который «вельми любит Русь». Традиция паломнических путешествий в Константинополь существовала на Руси и до трагических событий XIII в.—взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г. и монголо-татарского нашествия 1230–1240-х гг. Последнее из сохранившихся паломнических описаний, созданных до событий XIII в.,—это Книга Паломник,

Сказание мест святых во Цареграде, новгородского архиепископа Антония, около 1200 г. [72] Хождение Стефана Новгородца указывает на восстановление традиции таких сочинений, и этот факт коррелирует с восстановлением и укреплением художественных связей Руси с Византией—процессом, который, как мы увидим, особенно активно происходил как раз во второй четверти XIV в. Возможно, что и среди спутников Стефана Новгородца были художники или «организаторы» художественных работ, имевшие в Царьграде свои цели.

Совсем другого круга идей касается известное Послание архиепископа новгородского Василия (1331–1352) к владыке тверскому Феодору о рае [73]. Позиция Василия, защищавшего идею существования земного рая, была основана на легендарно-апокрифических представлениях и связана с жанром «видений» и «хождений» [74]. Рай «мысленный», духовный наступит лишь тогда, «егда Господь наш явится съ светлостью божества своего на земли, и силы небесныя двинутся, ангели престануть от дел своих и явять светлость свою, сътвореную от Бога, ... егда вся земля просвещена будет светом неизреченнымъ, исполнена радости и веселия...» [75]. Но существует и другой, земной рай, насажденный Господом на земле. Согласно новгородскому преданию, излагаемому архиепископом Василием, однажды такой земной рай удалось увидеть некоему новгородцу Моиславу и его сыну Иакову, когда их судно долго носило по морям, а потом прибило к высоким горам. Они «видеша на горе той написанъ Деисусъ лазоремъ чюднымъ и велми издивленъ, паче меры, яко не челоувечьскими рукама творенъ, но Божиюю благодатью. И светъ бысть в месте томъ самосияненъ, яко не мочи челоуку исповедати» [76]. Примечательны не только интенсивность размышлений знаменитого и деятельного новгородского владыки, но и тот образ земного рая, который им нарисован.

Известно, что архиепископ Василий совершил паломническое путешествие в Иерусалим, за что получил прозвище «калика» (паломник, странник). Есть гипотеза, что его перу принадлежало не дошедшее до нас описание и другого путешествия—в Константинополь [77]. Возможно, образ «лазоревого Деисуса» навеян какими-то выдающимися изображениями деисусного чина, византийской композиции, с использованием любимого византийскими мастерами ярко-синего цвета. В таком случае в этом фрагменте текста Послания о рае можно было бы усматривать косвенное отражение византийских реалий, которые стали известны новгородскому архиепископу второй четверти XIV в. в результате открыв-

[69] БЛДР. Т. 6. С. 68–91.

[70] Кучкин, 1974.

[71] Majeska, 1984. P. 15–47; БЛДР. Т. 6. С. 30–41.

[72] Книга Паломник, 1899.

[73] БЛДР. Т. 6. С. 42–49.

[74] Гуревич, 1977.

[75] БЛДР. Т. 6. С. 48.

[76] Там же. С. 46.

[77] БЛДР. Т. 6. С. 518 (комментарий Н.С. Демковой).

[78] Рыбина, Янин, 2009.

[79] Янин, Зализняк, 2000.

С. 67–69 (грамота № 775).

[80] Там же. С. 64–65 (грамота № 771).

[81] Там же. С. 44–46 (грамота № 750).

шихся возможностей знакомства с византийским миром и его искусством. Невольно вспоминается византийская композиция трёхфигурного Деисуса, которая исполнена мозаикой в южной, ярко освещённой солнцем галерее Софии Константинопольской в 1260–1280-х гг. и где одеяния Спасителя, Богородицы и Иоанна Предтечи сияют яркими, лазуритовыми цветами мозаичной смальты.

Заглянуть в повседневную жизнь Руси XIII–XIV вв. позволяют берестяные грамоты [78], находки которых—в значительной мере именно от этого периода—продолжаются как в Новгороде, так и—реже—в других русских центрах. В одной из таких грамот, обнаруженной в Новгороде и датированной 1240–1260-ми гг., некий Данило обращается к своему брату Игнату с просьбой прислать ему «мятьле рудаво», т. е. плащ какого-то красноватого оттенка [79]. В другом случае, в грамоте конца XIII—начала XIV в., речь идёт о покупке ржи и пшеницы, а также предполагаемой покупке коня [80]. В грамоте того же времени некий Степан пишет к Потке, требуя послать «броню» (доспехи) или плату за неё—в виде кун, серебра и, кажется, двух половин мясных туш [81]. Содержание этих грамот, по большей части прозаическое, позволяет получить некоторое представление об обыденной жизни интересующих нас десятилетий, о тех реалиях, на фоне которых рождались явления культуры, складывались высокие художественные замыслы.

***

На протяжении рассматриваемого периода разные виды художественной культуры развивались неравномерно. Неодинаковой является и сохранность памятников, в зависимости от того или иного вида искусства, той или иной исторической территории. В силу этих причин в данном томе предлагается не комплексное расположение материала (разные виды искусства внутри единых исторических этапов), а его изложение по видам искусства, а внутри таких разделов—по хронологии, историко-культурным центрам и регионам. Сначала характеризуется архитектура: в Юго-Западной Руси, в Новгороде и в Пскове, в Москве и Северо-Восточной Руси. После этого описывается живопись—по трём историческим этапам внутри рассматриваемого периода: а) середина XIII в.—1270-е гг., б) конец XIII в.—первая четверть XIV в., в) вторая четверть—середина XIV в. В каждом из этих разделов представлены иконопись и книжная миниатюра, фрагментарно сохранившиеся стенописи разных регионов. В тех случаях, когда мы

имеем дело с более или менее сохранными большими фресковыми ансамблями, их характеристике посвящены специальные очерки, помещённые в соответствующий раздел о живописи (главы о росписи церкви Св. Николая на Липне и о росписи Снетогорского монастыря—в разделе о живописи конца XIII—первой четверти XIV в.). В особую небольшую главку выделены наблюдения над разрозненными фрагментами фресок 1338 г. в новгородской церкви Входа в Иерусалим и остатками росписи 1352 г. Успенской церкви на Волотовом поле.

Книга завершается обширным разделом о декоративно-прикладном искусстве, которое занимало видное место в общей картине художественной культуры русского Средневековья.

При составлении прилагаемого библиографического списка авторы не преследовали цели привести исчерпывающую литературу по предмету. Обратившись к цитируемым основным изданиям, читатель легко найдёт в них дополнительные библиографические отсылки.

Э.С. Смирнова